

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

Инженер смерти

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Инженер смерти / Валерий Шарапов. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с. — (Подмосковные вечера.
Детективы о послевоенном уголовном розыске).

ISBN 978-5-04-248309-7

Послевоенный детектив о предательстве, оружии и тайне старой книги.

Жаркое лето 1950 года. Детская библиотека на улице Кирова. Пожилой ветеран найден убитым в читальном зале. Из личных вещей ничего не пропало. Только одного не хватает:

КНИГИ ГЁТЕ В ДОРОГОМ ПЕРЕПЛЁТЕ.

Следователь Аркадий Никитин понимает: это не ограбление. За-чем убийце поэтический сборник на немецком языке? Чтобы сжечь в буржуйке? Продать барахольщикам? Или в книге было то, чего

НИКТО НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ УВИДЕТЬ?

В то же время участковый Сидоренков натывается на промас-ленный мешок в мусорном баке. Внутри — семь автоматов ППШ и старая польская винтовка. Никитин ещё не знает, что через сутки Сидоренкова убьют на лестничной площадке — быстро, жестоко, с надписью мелом на стене:

«ОН ВЗЯЛ ЧУЖОЕ».

Но кто же главный в этой партии? Загадочный Инженер, торгующий оружием? Слесарь из Мосгаза? Или коллега из соседнего отде-ла, который узнал о находке Сидоренкова раньше, чем

ТРУП ОСТЫЛ.

Полковник Пинчук призывает Никитина быстро закрыть это дело и не копать. Но упрямый следователь копает. И находит то, что пытались утаить навсегда. Поэтому игра не закончена. У кого-то из коллег два лица — милиционера и торговца смертью. И главный вопрос теперь не «кто убийца?», а...

МОЖНО ЛИ ВЫЖИТЬ, КОГДА ПРЕДАТЕЛЬ ЗНАЕТ ВСЕ ТВОИ ХОДЫ?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248309-7

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

*Тени прошлого не умирают,
они просто ждут своего
часа.*

ГЛАВА 1

ЧЕЛОВЕК В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Июль 1950 года в Москве застелил город тяжелым, душным покрывалом, словно накопившийся за годы войны обжигающий воздух пожарищ решил наконец вырваться наружу. Солнце не жалело света, проникая даже в укромные переулки рядом с улицей Кирова, где воздух дрожал, как мираж над раскаленным асфальтом.

В маленькой детской библиотеке, приютившейся в старом доме с потрепанными ставнями, зной пробирался сквозь приоткрытые окна, делая страницы книг чуть липкими, будто они впитывали в себя эту вязкую неподвижность. Варвара Ивановна Деркач, или просто Варя, как привыкли звать ее те, кто знал ближе, давно сроднилась с этим местом. Две скромные комнаты с высокими стеллажами, заставленными потрепанными томами, — здесь собирались дети: кто

из сиротских приютов, кто из семей рабочих и офицеров, занятых восстановлением разоренного города. Варя любила эту тихую гавань, где среди пожелтевших страниц можно было укрыться от послевоенной суматохи, от воспоминаний о потерянном отце и от той смутной тревоги, что иногда накатывала как дальнейшее эхо войны.

Она была тонкой, словно тростинка, со светлыми волосами, собранными в аккуратный узел. Сегодня на ней были легкое синее платье в мелкий горошек, подпоясанное узким ремешком, и светлая шляпка, которая обычно спасала от солнца во время прогулок. Утренник только что закончился — Варя читала ребятишкам сказки Гауфа, и их глаза светились от чудесных историй. Один мальчуган, сын капитана, вернувшегося с фронта без ноги, потянулся к ней с вопросом:

— Тетя Варя, а вдруг и в Москве есть волшебный лес, как в книгах?

Она улыbnулась, нежно погладив его по голове:

— Конечно, есть. Только его нужно искать не на улицах, а здесь, между строками. Иногда он прячется в самых неожиданных местах.

Дети рассмеялись, но Варя почувствовала легкий озноб — словно тень скользнула по комнате, хотя солнце стояло в зените.

Она отогнала нехорошую мысль, занявшись уборкой: расставила стулья, собрала разбросанные рисунки. Библиотека постепенно пустела, и тишина опускалась, как пыль на полки.

Ближе к полудню, когда жара стала невыносимой, Варя вернулась в читальный зал, чтобы прибрать забытые книги и проверить, не задремал ли кто в углу. В воздухе висела та же вязкая неподвижность, и ничто не нарушало покоя — ни шороха, ни звука. Она прошла мимо стеллажей, и взгляд ее упал на дальний угол, где обычно уединялся старик-ветеран Константин Ильич Блинов, тихий инвалид с орденами на выцветшей гимнастерке. Каждый день он приходил ровно в десять, усаживался в углу и погружался в чтение, не издав ни звука, только шелест страниц нарушал покой. Он и сейчас находился в том же углу, вот только не сидел за столом, а лежал рядом с ним на спине, с темной раной на виске, и кровь медленно растекалась по деревянному полу. Руки его были сложены на груди, ноги ровно вытянуты, словно он лежал в невидимом гробу.

Варя замерла, невольно копируя умершего и прижимая руки к груди. Не закричала — характер не позволял, — но сердце затрепетало, как от внезапного порыва холодного ветра.

Что случилось с ветераном? Ему стало плохо, он упал и ударился головой?

Вокруг Вари начали собираться оставшиеся дети, кто-то из них тихо заплакал. Она увела их в соседнюю комнату, закрыла дверь и только тогда подошла к телефону, чтобы вызвать милицию. Сидя на стуле, она боролась с подступающей тошнотой, размышляя: почему поза тела казалась такой преднамеренной и почему она ничего не слышала, даже стука падающего тела?

Милиция прибыла быстро — улица Кирова все-таки в центре. Первым вошел старлей Виктор Иванович Орлов, подтянутый, в идеально отглаженной форме, с лицом, на котором уже проступала досада от свехурочной и неприятной работы. За ним следовали фотограф и эксперт, их шаги эхом отдавались в тихих комнатах. Орлов оглядел место, нахмурился и, заметив Варю, кивнул с легкой, но отстраненной улыбкой — они были давно знакомы через ее мужа Аркадия, хотя встречи их всегда оставляли привкус недосказанности. Он начал отдавать приказы:

— Осматриваем, товарищи. Похоже на ограбление. Карманы вывернуты, кошелек нет, документов тоже. У старика, видать, было с собой что-то ценное — вот и на-
■ рвался.

Варя, все еще бледная, подошла ближе, стараясь не смотреть на тело.

— Витя, Константин Ильич уже много месяцев приходит к нам, сидит тут и подолгу читает. Я не думаю, что у него при себе были какие-то ценности. И он ни с кем не общался. И тишина — я ничего не слышала. А посмотрите на позу — разве это поза человека, которого ограбили?

Орлов фыркнул, не скрывая раздражения:

— Поза? Тишина? Вы, товарищ библиотечарь, наверное, перечитали своих сказок. Ограбление — оно и есть ограбление. После войны оружия полно, люди озверели. Если свидетелей не найдем, закроем как висяк.

Он подчеркнуто обращался с ней на «вы».

— Я здесь работаю, — ответила Варя спокойно, хотя внутри все кипело от смутного беспокойства. — Библиотека — это не самое подходящее место для ограблений. Здесь всего две комнаты. И ходят сюда люди... как бы сказать... не очень состоятельные.

Орлов поморщился, махнул рукой на Варю, будто хотел сказать: много ты понимаешь! Ее аргументы отвлекали его от цели. А целью его было поскорее скинуть с себя это дело и заняться своим продвижением.

К вечеру дело передали следователю Аркадию Петровичу Никитину. Он сидел в своем кабинете — тесной комнате с обшарпанными стенами и стопками дел, громоздившимися на столе. Потертый пиджак висел на спинке стула, трость с отполированной рукояткой стояла у стены. Нога ныла от жары — осколок, засевший в бедре с сорок третьего, регулярно напоминал о войне. Аркадий потянулся к бутылке, которая замаскировалась на подоконнике между двумя горшками цветов, плеснул чуть-чуть в стакан, но передумал и отставил. В последнее время он старался держаться — ради Вари, ради их маленькой дочери, ради хрупкого согласия и тишины, которые они выстроили после всех бурь.

Дверь скрипнула, и вошел Орлов с докладом:

— Аркадий Петрович, новое дело. В детской библиотеке на Кирова убит ветеран. Ограбление, судя по всему. Денег нет, документов нет. Ничего особенного.

Об убийстве Никитин узнал еще в обед — ему позвонила Варя. Сейчас его больше интересовали заключение экспертов и предварительные результаты работы Орлова. Он взял папку, пробежал глазами строки, задержавшись на деталях.

— Почему ни слова про позу тела? А мотив? Что у него могли взять? Пенсию? Или что-то из его прошлого?

Орлов пожал плечами:

— Мотив — деньги, Аркадий Петрович. Одиноким старик — легкая мишень. Удар был нанесен тонким острым предметом в район виска. Предлагаю не тратить времени, закрыть как типичное ограбление: одиноким старик убит за деньги или ценности. Убийцу мы не найдем, а вот ресурсы потеряем.

Никитин откинулся в кресле, закурил папиросу. Дым за клубился под низким потолком, смешиваясь с запахом старой бумаги и чего-то неуловимого, как отголосок далеких воспоминаний. Орлов был молод, амбициозен, но в его словах Аркадий видел не просто рвение, а расчет — ступеньку к чужому месту. Не спеша с выводами, Никитин задумался: а вдруг здесь одна из тех ниточек, которые тянутся от войны, от теней, что до сих пор не рассеялись?

— Типичное ограбление? — переспросил он, прищурившись. — Может, и нет. Нет мотива — нет ясности. Посмотрим глубже, не торопясь.

Орлов скривился, вздохнул, но вышел молча. Оставшись один, Никитин размышлял, глядя в окно, где сгущались сумерки. Что-то в этом деле его зацепило.

Вечером, вернувшись в их крохотную квартиру на Сретенке, он рассказал о разговоре с Орловым. Варя сидела за столом, только освободившись от кормления дочери, и руки ее слегка дрожали, выдавая внутреннюю смуту.

— Аркаша, это ужасно. Константин Ильич... Он всегда был таким отрешенным, словно нес в себе какую-то тайну. Последнюю неделю брал одну и ту же книгу — старое издание Гёте на немецком, довоенное, наверное, трофейное. Перечитывал, будто искал что-то скрытое. А сегодня... книги нет. Ни на полке, ни в хранилище. Она словно растворилась.

Никитин замер, глядя на жену. Варя редко ошибалась — ее природное чутье, отточенное за годы работы с людьми, подсказывало то, что ускользало от самых дотошных взглядов оперативников. Он помассировал ногу, опираясь на трость, чувствуя, как в душе разгорается знакомый огонь — смесь упорства и тревоги, что так часто испытывал на войне.

— Книга? — повторил он тихо. — Орлов бы посмеялся, назвал бы это чепухой. Но ты права, Варя. Здесь что-то большее, чем ограбление.

Светлые глаза Вари погрустнели, отражая воспоминания.

— Он иногда просто сидел, уставившись в страницы. «Über allen Gipfeln ist Ruh». О покое над вершинами. Словно это были не просто стихи, а намек на что-то забытое.

Никитин обнял ее, ощущая, как нахлынуло привычное чувство жалости к жене, удушливое, ноющее, наполняющее глаза слезами; в такие мгновения она казалась ему совсем беззащитной, наивной, растерянной, бесконечно светлой и чистой, как ребенок. В каждом человеке ей виделась тонкая, ранимая душа поэта. Даже если этот человек был жестоким убийцей. Многолетнее общение с книгами даром не проходит.

Он прижал ее крепче, чувствуя тепло ее тела сквозь тонкую ткань платья, и на миг мир сузился до этой крохотной комнаты на Сретенке, где жара июля просачивалась сквозь щели в окнах, а запах каши из миски дочери смешивался с ароматом чая на столе. Варя чуть отстранилась, вытерла глаза платком, и в ее взгляде мелькнула та тихая сила, что всегда помогала ей преодолеть трудности и испытания, выпадающие на долю жены следователя.

— Ладно, Аркаша, — прошептала она. — Не стоит слишком углубляться в это сейчас. Маша ждет.

Никитин кивнул, опираясь на трость — нога отзывалась ноющей болью при каждом

движении. Это напоминание о фронте делало его походку тяжелой, мужиковатой, как у старого солдата, несломленного, но помятого жизнью. Внешне он казался грубым: широкие плечи, изрезанный морщинами высокий лоб и руки, огрубевшие от оружия. Сила в нем была та, что выковывается в бурях, — неуклюжая, надежная, способная выдержать удар, но не всегда способная на нежность, как думал он сам о себе в минуты сомнений.

Но стоило ему подойти к маленькой колыбельке в углу комнаты, где Маша, их шестимесячная дочь, лежала, завернутая в легкое одеяльце, размахивая крохотными кулачками, как эта грубость таяла, словно иней под солнцем. Девочка была еще совсем крошкой — светлый пушок на головке, розовые щечки и глаза, большие и доверчивые, что уже узнавали его силуэт. Варя только что покормила ее — миска с жидкой кашей стояла на столе, — и теперь Маша тихонько похныкивала, требуя внимания.

Никитин опустился на колени — движение далось с усилием, трость осталась в прихожей, — и осторожно подхватил дочь на руки, чувствуя, как ее легкое тельце прижимается к его груди. Он был силен, этот мужчина с осколком в бедре и шрамами, спрятанными под рубашкой, но в такие моменты сила обретала иную форму —

бережную, почти трепетную. Он мягко покачал дочь, поддерживая головку ладонью, и тихонько напел старую колыбельную, которую слышал от своей матери в далеком прошлом: «Спи, моя радость, усни...» Голос его, обычно хриплый от папирос и усталости, смягчился, стал низким и теплым, как летний вечер.

Маша затихла в его объятиях, ее крошечные пальчики сжали ворот его рубашки, и Никитин почувствовал, как сердце сжимается от этой простой, чистой любви — той, что смывала всю грязь дел, всю тяжесть воспоминаний. Варя смотрела на них с улыбкой, и в комнате на миг повисло то редкое ощущение покоя, когда тени отступают, оставляя место для света. Но даже здесь, качая дочь, Никитин не мог полностью отогнать мысль о сегодняшнем деле — о той ране на виске, о сложенных руках, о книге, что исчезла, как намек на нечто большее. Утром он начнет работать не спеша, но упорно, ради них — чтобы тени не подобрались ближе.

ГЛАВА 2

НИКАКИХ МОТИВОВ

Июльское солнце уже клонилось к полудню, пробивалось сквозь пыльные стекла библиотеки на Кирова, разбрасывая по полкам золоти-

стые блики, словно пытаюсь оживить пожелтевшие страницы. С улицы проникал густой, слегка смолистый запах листвы и доносился приглушенный перестук трамвайных колес — вечный ритм города, восстающего из руин.

Варя стояла за своей конторкой, перебирая стопку детских рисунков, оставшихся после утренника; ее худенькие руки двигались неспешно, а в мыслях все еще кружили обрывки вчерашнего разговора с Аркадием — теплые, но с легкой горчинкой, как чай, заваренный на воде из уличной колонки. Коммунальная квартира на Сретенке, с ее общим коридором и гулом соседских голосов за стеной, казалась сейчас далекой, но воспоминание о Маше, завернутой в тонкое одеяльце, грело душу. Варя улыбнулась, представив дочь на руках Елены Ивановны.

Соседка сама предложила помощь, как только Машу принесли в квартиру, сказала, что для старой учительницы нет ничего лучше, чем нянчиться с малышкой. И вот она сидит с ней уже почти месяц, Варя только в обед прибегает домой, кормит и проверяет. Поначалу было страшновато — после войны доверять людям трудно: а вдруг что-то случится, пока она тут, с книгами... Но Елена Ивановна справляется замечательно: поет ей ■ колыбельные из своего репертуара, старые,

довоенные, рассказывает сказки шепотом, баюкает на руках, как свою внучку. Варя спокойна — видит, как Маша тянется к ней, улыбается во сне. Старая учительница — как лучик в коммуналке.

Дверь скрипнула, и в библиотеку вошел Аркадий. Его силуэт в военном кителе с орденскими планками заполнил проем, и Варя почувствовала, как сердце екнуло от смеси радости и тревоги; он хромал чуть заметнее обычного, опираясь на трость, но в глазах его теплилась та упрямая искра, что всегда заставляла ее верить в лучшее. Он подошел ближе, поцеловал, словно сегодня утром не они проснулись в одной постели и не они завтракали за одним столом.

— Аркаша, — произнесла она тихо, откладывая рисунки. — Не ожидала тебя так рано. Дети только разошлись.

Никитин остановился у конторки, оглядывая зал. Тот самый дальний угол, где вчера нашли тело, теперь пустовал, но в памяти Варвары он все равно казался отмеченным недобрый знаком. Аркадий не стал тянуть:

— Варюш, давай подробно. С самого утра. Что здесь происходило?

Она вздохнула, опустив взгляд на свои руки — пальцы чуть сжались, выдавая внутреннее напряжение, но не дрожь, а просто

легкое онемение, словно она долго держала на весу тяжелую книгу.

— У меня был утренник. Дети собрались в той комнате — сироты из приюта, ребяташки с соседних дворов. Я читала им Гауфа, сказки о волшебных лесах. Всё шло спокойно, они слушали. В читальном зале был только он — Константин Ильич Блинов, за своим столом в углу, опять с той самой книгой Гёте. Сидел тихо, как всегда, не поднимая глаз.

Взгляд Никитина скользнул по стеллажам, где пылинки танцевали в лучах солнца, — в мыслях мелькнуло воспоминание о вчерашнем вечере: о Маше в колыбельке, о тепле дома, что помогало отгонять мрак дел.

— Сколько времени ты занималась детьми?

— Минут сорок, не меньше. После чтения отвечала на их вопросы, потом увела в соседнюю комнату — там они рисовали. Некоторое время я не видела Блинова.

Аркадий сделал шаг ближе к столу в углу, его трость тихо стукнула об пол, эхом отозвавшись в тишине. Он оглядел поверхность: едва заметные крошки от стиральной резинки, обгрызок простого карандаша...

— Могли зайти другие люди в это время?

— Да, конечно. Никому не запрещено смотреть книги, листать, даже почитать здесь же можно. Дверь открыта для всех.

— И даже тем, на кого не заведен читательский билет?

— Да, и тем тоже. Это же не секретный архив, Аркаша, а библиотека для детей, для людей. Заходят иногда прохожие, от жары спрячутся, полистают.

Он провел пальцем по столешнице, стряхнув крошку.

— Стол и стул не трогали после... вчера?

— Нет... Все так и осталось.

Никитин прищурился, глядя на мелкие скатыши от резинки; в голове мелькнула мысль о том, как такие мелочи иногда тянут за собой целые вагоны фактов и улик, но он не стал углубляться, просто спросил:

— Он всегда пользовался карандашом и стиральной резинкой при чтении?

Варя пожала плечами, ее взгляд на миг ушел в сторону, к окну, где солнце золотило пылинки.

— Редко обращала на него внимание. Но перед закрытием библиотеки я протираю столы влажной тряпкой и прежде не замечала таких крошек... Не могу сказать, писал он что-то или нет, стирал ли что-то... Очень странно.

— В голову не приходит ничего, кроме злостной попытки стереть библиотечные штампы со страниц, — усмехнулся Аркадий.

— Но зачем?

— Чтобы потом украсть твои книги. А вдруг он был сумасшедшим?

Оба одновременно вздохнули и с иронией посмотрели друг другу в глаза, соглашаясь с абсурдностью такого вывода.

— Он с кем-то общался прежде? К нему кто-то подходил?

— Нет, ни разу не видела. Одиночка, замкнутый, немногословный. Я даже пыталась уговорить его выступить перед детьми, рассказать о зарубежной поэзии — ни в какую. Отказывался тихо, но твердо.

— А кроме Гёте он еще что-нибудь брал?

— Конечно! — Варя закатила глаза к потолку, вспоминая. — Шекспира, Бернса в переводе Маршака, Уолта Уитмена, Карла Сэндберга... В общем, почти всю поэтическую зарубежку, какая у нас есть.

— А немецкое издание Гёте — только в последнее время?

— Да... — после паузы ответила Варя и тверже добавила: — Да, последнюю неделю.

Снова повисла пауза, прерываемая лишь далеким звоном трамвайного звонка с улицы. Никитин почувствовал легкий укол грусти от мысли о том, как Варя, с ее добротой, пыталась вытащить старика из его скорлупы и как все это теперь обернулось загадкой. Он шаг-

нул ближе, наклонился и коснулся губами ее лба — поцелуй вышел теплым, прощальным, с привкусом той веры в хорошее, что они оба старались сохранить.

— Варя, — сказал Аркадий, оглядывая книжные полки, — тебе маленькое задание. Проверь все книги, которые он брал, и посмотри, нет ли там следов потертостей от резинки?

— Ладно, сделаю.

— Спасибо, Варя. Я разберусь с этим делом... До вечера!

Она улыбнулась слабо, но в глазах мелькнуло тепло — как солнечный луч, пробившийся сквозь тучи. Аркадий повернулся и вышел, дверь скрипнула за ним, оставляя в библиотеке эхо его шагов и легкую грусть расставания.

ГЛАВА 3

НАДО УЧИТЬСЯ У СОСЕДЕЙ

Июльский полдень в Москве разливался щедрым теплом, проникая даже в мрачные коридоры здания на Петровке, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь высокие окна, ложились на потрепанные ковры и стопки бумаг. Аркадий Петрович Никитин шел по коридорам управления, опираясь на трость, и каждый шаг отзывался легкой болью в ноге. Он старался избавиться от неприятных воспоминаний, которые

всплывали именно в этом здании, предпочитая думать о Маше, о ее крошечных кулачках, сжимающих воздух, и о Варе, чья доброта грела ему душу. Сегодня это помогло, и едва начавшееся воспоминание о тяжелом конфликте с Пинчуком быстро растаяло, как туман.

Кабинет полковника Пинчука, замначальника управления милиции, встретил его знакомой духотой, запахом табака, перемешанным с ароматом чая из самовара в углу, и гудком паровоза с вокзала, что слышался через приоткрытое окно.

Пинчук сидел за широким столом, его внушительная широкоплечая фигура заполняла приличное пространство. Начальник носил густые седеющие усы и обладал тяжелым, как груженный воз, взглядом. Он был из тех, кто любил подавать себя рубахой-парнем: обращался на «ты», хлопал по плечу, допускал легкое панибратство. Но Аркадий знал: при первой угрозе его карьере маска слетала, и он становился принципиальным и жестоким, переходя на «вы» с ледяной решимостью. Сегодня Пинчук был мягок — улыбнулся, жестом приглашая сесть.

— Садись, Аркадий, — произнес он, подвигая ему через стол папку. — Теперь это твое дело. Официально. Убийство в библиотеке на Кирова старика-ветерана — это ограбление,